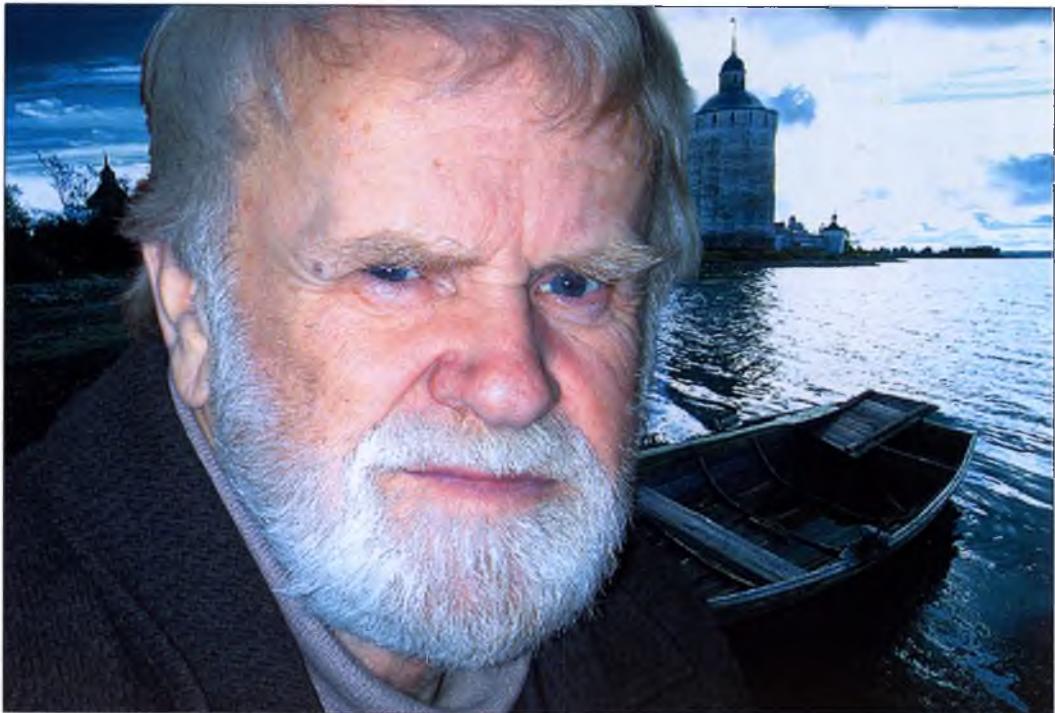

Василий БЕЛОВ: «РАЗГОВОРЫ О РАЗНОГЛАСИЯХ В НАШЕМ НАРОДЕ СИЛЬНО ПРЕУВЕЛИЧЕНЫ!»

С известным русским писателем-вологжанином Василием Беловым мы впервые встретились на башкирской земле в сентябре 1996 года на международном Аксаковском празднике, приуроченном ко дню рождения великого русского писателя и гражданина Сергея Тимофеевича Аксакова. Того самого, на чьих «Аленьком цветочке», «Детских годах Багрова-внука», «Семейной хронике» выросло не одно поколение честных, порядочных, мужественных россиян.

Василий Иванович стал не просто гостем этого праздника, но и первым лауреатом Всероссийской литературной премии имени С.Т. Аксакова, учрежденной в конце августа 96-го Указом президента Республики Башкортостан М.Г. Рахимова. Учрежденной, как сказано в преамбуле этого документа, «в це-

лях сохранения и развития культурного наследия народов России и Башкортостана, поддержания благородных традиций гуманизма, патриотизма и высокой духовности, заложенных нашими великими земляками - семьей Аксаковых, а также в связи с предложениями Международного фонда славянской письменности и культуры, Союза писателей России и Союза писателей Республики Башкортостан».

Выбор первого лауреата не случаен. По словам Муртазы Рахимова, «из современных российских писателей Василий Белов наиболее близок к аксаковской традиции утверждением в своих произведениях идеалов народной культуры и мировосприятия, мастерством в изображении родной природы и живущего в единстве с ней человека, образами простых и глубоких по духу героев, исповедующих добро и дружбу между людьми независимо от их национальности, чувством патриотизма и любви к Отечеству».

«Мощным и отчаянным» охарактеризовал талант Василия Белова его старый друг, народный поэт Башкирии Мустай Карим, ныне, к сожалению, уже покойный. Тогда он был еще жив здоров и говорил, что за 35 лет знакомства с Беловым тот ни разу не разочаровал его ни как человек, ни как писатель, ни как гражданин.

География Аксаковского праздника раскинулась по Башкирии широко, охватив города Уфу, Белебей, села - бывшие имения большой семьи Аксаковых. И всюду русскому писателю Белову люди радовались, как родному, вспоминали его произведения: «Плотницецкие рассказы», «Привычное дело», «Год великого перелома», «Кануны», «Раздумья на родине», «Лад»... Сам Василий Иванович от обрушившихся на него добрых слов выглядел неприте-

Президент Республики Башкортостан М.Г. Рахимов вручает Аксаковскую премию В.И. Белову (1996).

вально смущенным, чувствуя естественную неловкость от природы скромного человека.

- Я испытываю двойственное ощущение, - скажет он сразу после вручения ему Аксаковской премии. - С одной стороны, мне, конечно, приятно, но... Как всегда, бывает это «но». Вот говорят: прошел огонь, воду и медные трубы. Сам я, можно сказать, огни и воды прошел, а смогу ли пройти медные трубы? Я в этом не уверен. Потому что очень многие именно на них спотыкаются. Когда человека сильно хвалят - это самое тяжелое испытание для него...

России испытаний всегда хватало и покруче, да и от хвалы она точно не умрет - пинают родимую все, кому не лень. Боль за судьбу нашей общей страны, народов, ее населяющих, вносила тревожную ноту и в общую мажорную мелодию Аксаковского праздника. Правда, сама Башкирия, являющаяся своего рода евразийским узлом России и ее давним, столетиями испытанным тылом, и в наши смутившие дни оставалась относительным примером стабильности, взвешенности и чисто народной мудрости. Это заметил и по достоинству оценил Василий Белов, который, по его же признанию, одно время совсем пал духом от сплошного, как ему казалось, негатива вокруг. Слава Богу, радовался писатель, есть и просветы.

Признаться, уговорить Василия Ивановича на интервью для «Российской газеты», которую я тогда представляла как специальный корреспондент, оказалось непросто. Не доверял он средствам массовой информации, преуспевшим, по его мнению, в пропаганде бездуховности, цинизма, насилия и распущенности, граничащей с вседозволенностью. Чувствовался полемический пыл публициста, да и политик в нем в ту пору еще не угас - Белов, как известно, был народным депутатом СССР последнего созыва.

И все же наш разговор состоялся. За прошедшее после того десятилетие многое изменилось и в стране, и на родной для Василия Ивановича Вологодчине, но из песни, как говорится, слов не выкинешь. Полезно оглянуться назад глазами большого писателя, вспомнив, через что прошли... А начался тот разговор в автобусе, мчавшем нас по заповедным аксаковским местам, с вопроса, что все-таки больше влечет Белова - публицистика или художественная проза?

- Куда тянет, туда и идешь. Я всегда говорю, что у меня две ручки: одна - для статей, другая - для рассказов. Сейчас меня действительно больше тянет публицистика. Из-за нее я все откладывают работу над новой книгой, а душа болит. Время идет! Но публицистикой занимался еще и по той причине, что нет денег. Живешь, как волк, а волка ноги кормят... Спасибо Башкирии и за моральную, и за материальную - чего уж там! - поддержку. Я не стал отказываться от премии из каких-то снобистских соображений. Теперь обязательно займусь книгой настоящей, а не статейками в газетах. Поеду в деревню, засяду за письменный

стол, да и подлечиться надо бы. В Библии и то сказано: отпущено человеку в среднем лет семьдесят. Мне уже 64. Многие мои друзья-ровесники давно в земле лежат. Коля Рубцов, например, а он был меня моложе...

О нынешнем молодом поколении Белов особенно печалился. В Аксаковской гимназии № 11, что в Уфе, Василий Иванович даже своеобразный урок дал. Не лекцию ребятам читал, а делился мудростью старшего, предостерегал от ошибок, напоминал об азах, с которых настоящий человек начинается.

- Все, что связано с физическим трудом, почетно и благородно, - говорил он. - А вот подобострастное отношение к деньгам - весть для нашего народа неприемлемая. Человека любить надо, а не деньги, иначе все теряет смысл и становится безнравственным.

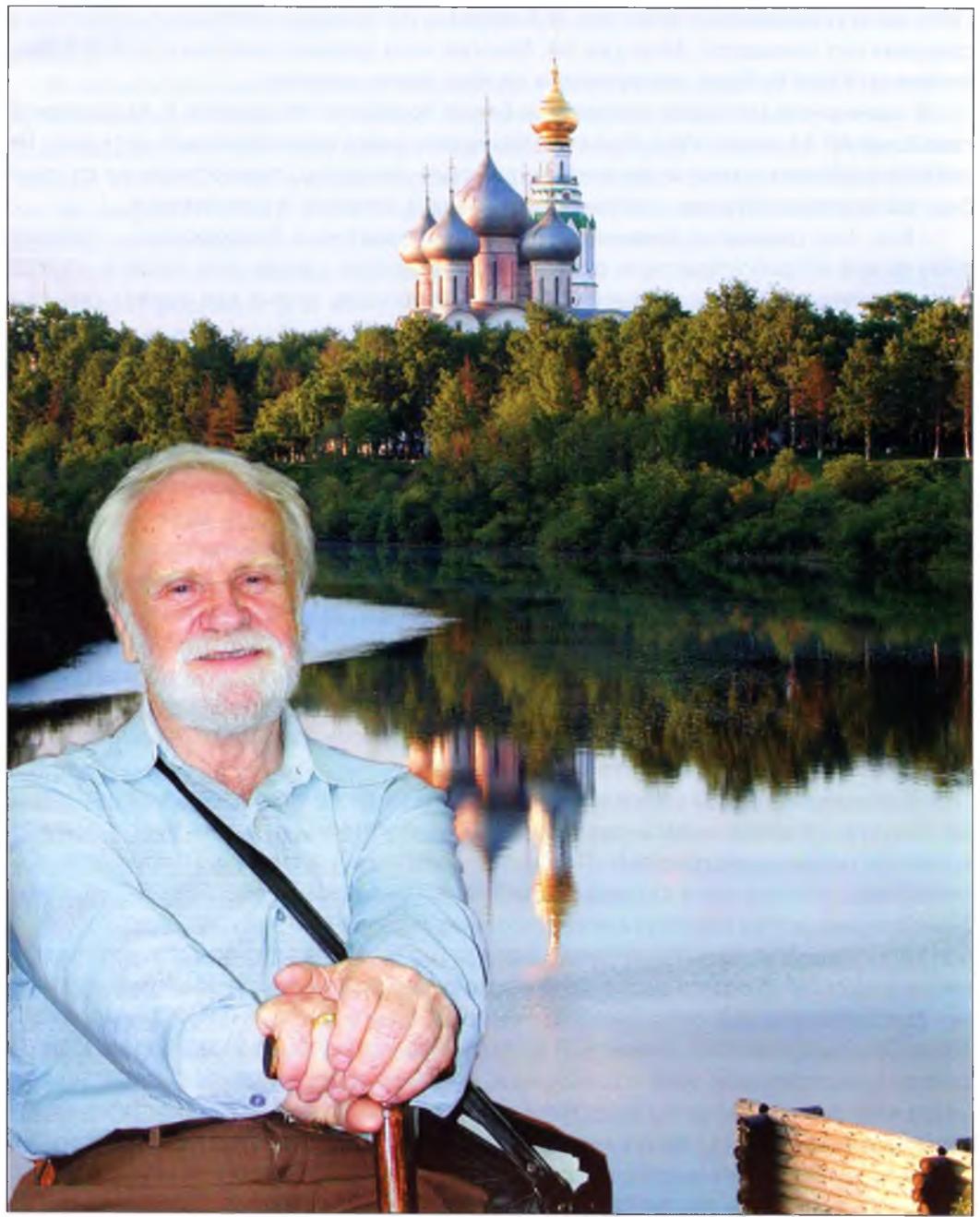
Кстати, о деньгах. История дружбы Василия Белова с Мустаем Каримом началась как раз с червонца, но какого!..

- Давно это было, - вспоминал Василий Иванович. - Я тогда только начинал литературную деятельность, не думая, впрочем, о большом писательстве, мои мечты были намного скромнее. Пришел как-то в Союз писателей, а когда вышел оттуда, то обнаружил в пустом до этого кармане десять рублей. Большие деньги по тем временам, почти полстипендии, которая и была-то всего 27 рублей. Как мне этот червонец подсунул Мустафа Сафич, я и не видал, просто в приемной рядом в очереди сидели... Вот тогда я впервые за счет Башкирии досыта пообедал, - шутит Василий Иванович, а Мустай Карим в ответ только смеется: мол, преданья старины глубокой...

Оказалось, быть о тактично дарованном голодному студенту червонце имела неожиданное продолжение, которое запомнилось другому народному поэту Башкирии - Мусе Гали. Вот что он рассказал:

- Были мы однажды с Василием Беловым в Париже с писательской делегацией. Тогда и познакомились, сдружились. Так случилось, что там Белов получил какой-то небольшой гонорар. Пришел и всем нам раздал по 10 франков. Сомневаюсь, чтобы у него самого после этого что-то осталось...

- Скверно, когда все подчиняется только денежному мешку, его диктату, - продолжался наш дорожный разговор с Беловым. - Ведь доходит до того, что русских народных песен даже по радио сегодня почти не услышишь. Это никуда не годится! Зато модным делается цинизм - хорошо, видно, оплачен. Или внедряется в сознание народа распущенность. И за всем этим стоит не свобода слова, как пытаются некоторые нас убедить, а деньги, и нечего здесь мудрить. Я об этой опасности еще лет пятнадцать назад писал, да не услышали. В Башкирии обстановка сегодня лучше, чем, скажем, у меня на родине. Тут и сеют, и пашут, и детей растят не как бурьян в поле, и песни родные не забывают, хоть русские, хоть башкирские - любые. Но ведь это, к сожалению, исключение из правила. В моей же деревне

не доходило до того, что зарплату трактористам выдавали... водкой. Больше не-чего было. Тут уж не до песен - до ножей дойти могут.

- Василий Иванович, вы говорите, что вас в свое время не слышали. Как, по-вашему, писатель - он пастырь для народа, или это удел священника?

- Я считаю, что вообще нет такой профессии или специальности - «писатель».

- ???

- Да, мне это, не считите за кокетство, непонятно. У Чехова какая бирка на дверях висела? «Доктор Чехов». Лермонтов был поручиком в армии. Граф Толстой в земстве служил. А когда кто-то из пишущих современников вывешивает на воротах бирку «Писатель такой-то», это у меня вызывает улыбку. Особенно, если он в деревне живет...

- А себя в таком случае вы кем считаете?

- У меня было много всяких профессий. Начал я обычным плотником, столяром. Еще в детстве с отцом и дядюшкой табуретки делал. Потом технику очень любил. Был и электромонтером, и киномехаником, в армии служил долго. После того, как отслужил, пошел в Вологде на завод, плотничал, ремонтировал двери, окна. Надо было семье помогать - там еще трое младше меня оставались. Потом влюбился в одну вологодскую девушку. Надула она меня, и рванул я с горя к себе на родину. А уже был членом партии, так что взяли меня в районе воспитателем в общежитие. Никакой я, конечно, не воспитатель был, а гонял там кино в основном (смеется).

- Как же не воспитатель, если даже книжку потом написали - «Воспитание по доктору Споку»?

- Ну, это название ироническое. Я ведь там полемизировал с русскими женщинами из-за способа воспитания детей по чужой мерке. Дополемизировался - прослыл женоненавистником. Но какой же я женоненавистник?! У меня лучшие образы - это мать, бабка, многие другие мои героини... Уж они-то знали, как детей растить не на чужой манер, а на свой, исконно крестьянский, народный лад. Вот куда смотреть надо, а не на Запад, который многие сегодня бездумно пытаются копировать.

- А вам не кажется, что иногда разговоры о возвращении к истокам не столько ведут к ним, сколько напоминают поминки по прошлому? Повспоминают, плачут, даже песню споют, но тем дело и кончится... Взять те же воскресные церковные школы. Нет ли в них чего-то искусственного, а оттого и не получается?

- У нас вся жизнь сейчас искусственная. Но я думаю, таким попыткам мешать не надо. Я сам еще в Верховном Совете СССР выступал за воскресную школу. Не получается же по разным причинам. У нас в деревне, к примеру, храм совсем без батюшки. В нашей епархии более 60 приходов, а священников не хватает, дефицит.

- А сами никогда не хотели стать священнослужителем? Таких случаев в наше время немало. В Никольском храме неподалеку от Нефтекамска, например, в батюшках бывший тракторист...

- Нет, я слишком грешен, я не могу. Была у меня, правда, мысль удалиться в монастырь, как удалялся в свое время Леонтьев, да мирское, видно, не отпускает. Но молюсь ежедневно. Утром и вечером читаю «Отче наш», «Троицу».

- Помогает?

- Я думаю, да, хотя это не сразу в сердце приходит. Придет! Хоть и жили мы долгое время в тумане атеизма, но все равно были нравственны. У нас не было разгула проституции, никто не романтизировал бандитизм, не поливал грязью армию, не презирал собственное государство... Сегодня, кажется, тоже начинают понимать, что без нравственной цензуры дальше жить никуда не годится.

- Цензуры? В таком случае старый вопрос: а судьи кто?

- А судья один - Бог! У каждого человека есть совесть. Бог-то - это и есть совесть. Я считаю, всякий из нас чувствует, когда делает что-то плохое. Другое дело, что кто-то на свои действия закрывает глаза, и таких людей нынче много развелось. А скажи им, что они люди бессовестные, оскорбятся, хотя в душе, думаю, и у них рано или поздно заскребет, закровоточит... Будь человек верующий или нет, а никто, уверен, не хочет оставаться с тяжелой совестью.

- Сегодня много споров об общенациональной идеи. На чем бы вы объединили Россию?

- А что, разве она разъединена? Да, бездумные политики отняли у нас, скажем, Крым. Это плохо, однако разговоры о разногласиях в нашем народе сильно преувеличены. Мы обижены, но не разъединены! Двадцать миллионов соотечественников оказались за пределами наших границ. Разве это справедливо?! В Башкирии хоть говорят честно, что без России не могут, никуда от нее уходить не собирались и не собираются. Потому, наверное, в этой российской республике и лад, а где лад, там и клад. Вот о чем думать надо, а не об абстрактной идее. У нашей великой России в идеях недостатка нет. Они в душе народа, в его корнях. Таких, как Сергей Тимофеевич Аксаков, которого не зря еще полтораста лет назад называли «министерством чести».

...В атмосфере Аксаковского праздника общероссийская идея, казалось, впрямь витала в воздухе. Вот и Муса Гали, произнося тост в честь первого лауреата Аксаковской премии, сказал простые, но нужные слова:

- Давайте-ка несколько спустимся с аренды политической на землю. Дело в том, что в последние годы мы все, как бы соревнуясь друг с другом, так усиленно перешли к росту национального самосознания, что менее всего думаем о таких тропах, которыми человек с любовью идет к человеку, а народ - к народу. Я не раз участвовал в Пушкинских днях на Михайловской поляне. Это и есть именно такая тропа,

которой идут служители муз всех народов с открытым сердцем. Теперь мы вместе протаптываем тропу аксаковскую, на которой, дай Бог, будем сходиться и встречаться еще не раз. Даже в Болонском лесу есть нечто, объединяющее нас: там останавливалась и башкирская конница, и калмыцкие воины в составе русских войск, взявших в первую Отечественную Париж. Вот эту тропу, где наши предки были соратниками, тоже не надо забывать, как и все, что нас, россиян, сближает.

А Мустай Карим добавил:

- Год за годом тает ручеек, который раньше был полноводной рекой. Переводы! С башкирского - на русский, с русского - на башкирский... Теперь дай Бог, чтобы этот ручеек хотя бы не иссяк, чтобы его не перекрыли, не перехватили те, для кого дружба народов - кость в горле.

Сам Мустай Карим, чьи поэтические строки «Не русский я, но россиянин» давно стали хрестоматийными, не отрекался от них и теперь.

- Величайшее из всех богатств, которое у нас есть, - говорил он в полный голос, - это братство народов, которые столько лет в дружбе, согласии и ладом живут друг с другом. Горькие уроки обратного в «горячих точках» только подтверждают, как нужно беречь то, что имеем.

И крепко обнял своего русского друга Василия Белова.

...Василий Иванович возвращался домой с посветлевшим лицом. Он был полон свежих сил, больших творческих планов и надежд, что родная Вологодчина поднимется. Не могла не подняться эта русская земля, давшая столько святых, самобытных талантов и просто дальних людей. В Москве писатель задерживаться не стал. Чуть не с поезда заторопился в свою вологодскую деревню, предвкушая сладкие муки творчества за старым письменным столом. Вот только, при всем опасении «медных труб», избежать поздравлений от земляков с большой литературной наградой, полученной в столь трудные времена на башкирской земле, избежать не удалось.

И первым, кто приехал в деревенскую глухомань с букетом цветов, был Вячеслав Позгалев, всего несколько месяцев управлявший областью, будучи назначен на пост главы региона президентским указом. Проблем, которые с места в карьер пришлось ему тогда решать, было столько, что у иного и руки бы опустились. Этот не опустил, а разгребал завалы, буквально курсируя между Вологдой и Москвой. Не говоря уж о встречах с народом по всей губернии, и разговор тот с разуверившимися во власть людьми был ох каким непростым. К тому же через месяц в области предстояли губернаторские выборы, оппоненты из кожи вон лезли, чтобы накопать компромат на череповецкого, как они считали, «выскочку», и это тоже отнимало силы и времени. Могли и этот визит к известному российскому писателю причислить к предвыборной агитации.

Вячеслав Евгеньевич на недоброжелателей не оглядывался. Выкроив, несмотря ни на что, время, в деревню Тимониху к Белову приехал один, без свиты. О чем они разговаривали, большой писатель и большой представитель власти, не знаю, не присутствовала. Но уверена: они говорили на одном языке - земляки, патриоты, единомышленники, единоверцы...

В 2004-м мы вновь встретились с Василием Ивановичем в московском Представительстве Вологодской области, где чествовали вологжан - лауреатов Государственной премии России, одним из которых стал и Белов. Вспоминая год 96-й, не могла не заметить, что писатель сильно сдал, подводило здоровье. Но стоило ему заговорить, поняла: есть еще порох в пороховницах. А летом 2006-го была ошарашена новостью: Белов, никогда прежде не державший в руках кисти и краски, начал писать картины! Бог ему в помощь, а нам - новых открытий по имени Василий Белов.